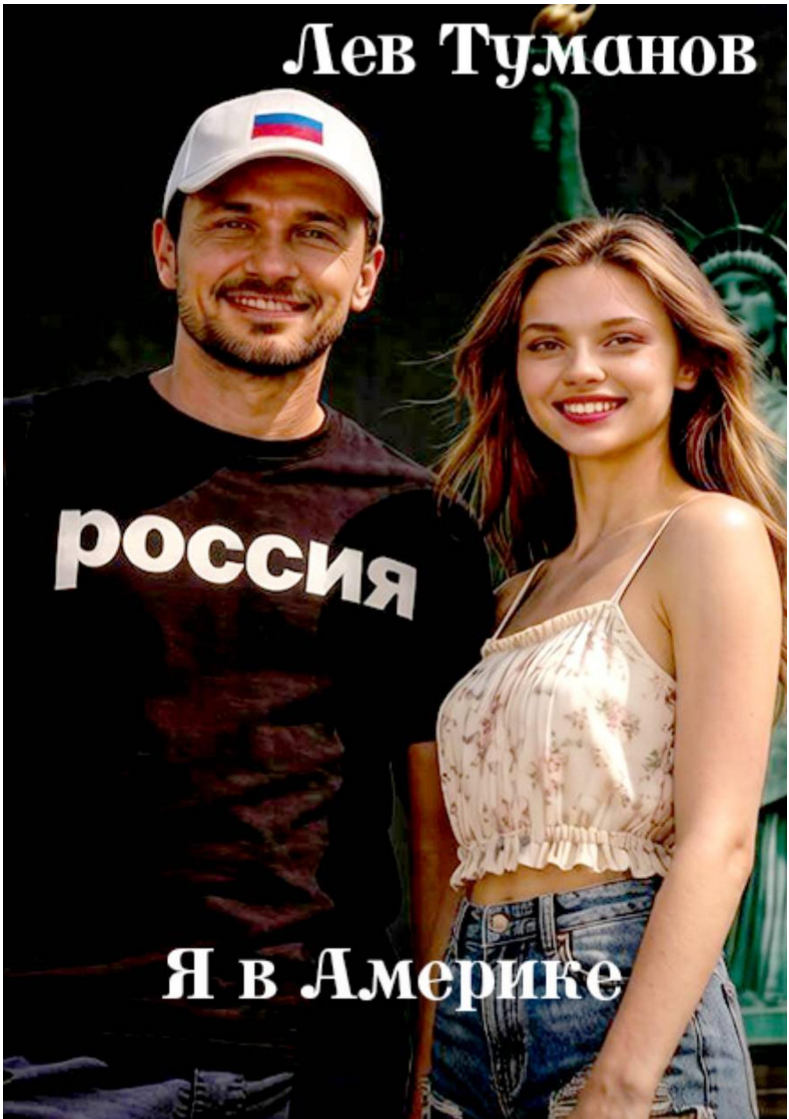
Лев Туманов
россия
Я в Америке

Лев Туманов
Я в Америке

https://litres.ru/74000256
SelfPub; 2026

Аннотация

Друзья, я наконец решился и написал книгу о стране, где взрослые люди всерьёз обсуждают погоду полчаса, потому что спросить «как дела» — это уже вторжение в личное пространство.

Книга называется «Я в Америке». Это смесь дневника сумасшедшего, инструкции по выживанию и сборника ситуаций, в которых мой русский мозг взрывался так часто, что теперь я хожу без мозгов.

Всё рассказано максимально смешно, с откровенными сценами, где откровеннее всего — моя беспомощность. Героини будут сексуальными, герои идиотичны, природа Техаса описана так, будто вы там были. Если после этой книги вы не захотите ехать в Америку — я выполнил задачу.

Лев Туманов
Я в Америке

Глава 1. Тысяча и один сантиметр, или как я подружился с полицией Техаса

Ну что, друзья мои, начнем, пожалуй. Раз уж мы с вами собрались говорить про Америку и про то, как я там жил-был, да не просто жил, а вляпывался в такие ситуации, что хоть святых выноси. Первое, что нужно понять про эту страну — там есть понятие privacy. Знаете, есть в английском языке слово, которое мы перевести нормально не можем. Ну, как объяснить человеку, который вырос с мыслью, что в общей бане нет ничего зазорного, почему американец боится очереди как огня? Мы переводим это как «конфиденциальность» или «личное пространство». Но это, скажу я вам, все равно что назвать цунами «сильным дождиком».

Когда я только приехал, я думал: «Да ладно, подумаешь, дистанция. Мы тоже народ культурный, не впритык же стоим». Как бы не так! Я тогда поселился в небольшом городке где-то в Техасе. Место, скажу я вам, жаркое не только по климату, но и по температуре местных нравов. Солнце там

такое, что асфальт плавится, а люди ходят в ковбойских шляпах и улыбаются так широко, что кажется, будто они сейчас съедят яблоко вместе с вашей головой.

Но это только на первый взгляд.

Природа там, кстати, потрясающая. Небо огромное, как будто накрываешься им вместо одеяла. И на фоне этого бесконечного неба, этих кактусов и белых домиков с идеальными газонами, я и столкнулся с главным законом Техаса — не подходи ближе чем на четыре фута, если не хочешь проблем с законом. Или с чьим-то кулаком. Или с шерифом.

Ода очереди

Все началось с мелочи. Пошел я в местный супермаркет за хлебом и арахисовой пастой (другой еды я там первое время просто не видел). Захожу, беру тележку, все дела. Подхожу к кассе. Очередь — человек пять. Я, по привычке советского человека, воспитанный в очередях за колбасой длиной в жизнь и в метро, где нужно локтями пробивать себе путь к свободе, встаю как обычно. Ну, то есть так: пятки следующего впереди стоящего находятся в опасной близости к моим носкам. Ну нормальная дистанция! Я даже дыхание его слышу, но не чувствую запаха жвачки — это уже успех, я считаю.

И тут мужик впереди меня, здоровенный такой дядька в клетчатой рубахе, под названием «ковбой, которому лучше не перечить», начинает странно дергаться. Сначала он просто покосился через плечо. Потом обернулся, посмотрел на меня, как на таракана, который заполз к нему в тарелку. Потом сделал шаг вперед. Я, дурак, сделал шаг вперед следом. Ну как? Очередь же двигается! Нельзя разрыв создавать, а то какой-нибудь хитрый тип влезет! Это у нас в крови, это древний инстинкт — смыкать ряды.

Он обернулся снова. Теперь его лицо было красным, как пожарная машина, которая, кстати, приедет очень быстро, если кто-то нарушит дистанцию.

— Сэр, — говорит он. — Could you please step back? (Не могли бы вы отступить назад?)

Я смотрю на него, хлопаю глазами. Я ему ничего плохого не делаю, я просто стою. Но в его глазах — первобытный ужас. Он смотрит на мою тележку, потом на меня, и мне кажется, он сейчас вызовет национальную гвардию.

— I'm sorry? — говорю я по-английски, стараясь коверкать слова поменьше.

— Personal space, man! (Личное пространство, чувак!) — рявкает он так, что впереди стоящая дама с ребенком вздрагивает и тоже оборачивается, осуждающе на меня глядя.

И тут я вспоминаю. Точно. Читал я где-то. В США — полтора метра. Целых полтора метра! Это же почти как лежачий полицейский на дороге. Но у нас в России, если ты отодвинешься на полтора метра, в эту дыру тут же влезут три бабки с авоськами, два курьера и один очень настырный чеченец, который продает носки.

Я сделал шаг назад. Потом еще один. По пути я сбил стенд с чипсами, извинился перед китайской статуэткой кота, которая приветственно махала лапкой, и остановился только тогда, когда уперся спиной в стеллаж с пивом. Ковбой одобрительно кивнул и отвернулся. Расстояние между нами было теперь как от Земли до Луны. В эту очередь можно было бы втиснуть еще полгорода, но ни одна живая душа не лезла. Стояли, как муравьи в линеечку, соблюдая карантин, которого официально не объявляли.

Я стоял и думал: «Боже, как же они живут? Как они людей любят? На расстоянии вытянутой руки бейсбольной биты?»

Беременная бомба

Но это, как говорится, цветочки. Ягодки случились чуть позже, когда меня навестила моя кузина из России. Лена, женщина спортивная, боевая и, что самое важное для этой истории, беременная. Седьмой месяц. Живот такой, что ей было видно свои ноги только через систему зеркал, как водителю фуры.

Лена прилетела рожать в Америку (это отдельная история, с паспортами и страховками, но не будем о грустном). Прилетела она, значит, и решила посмотреть на местные красоты. Выходим мы с ней в парк. Техасская жара, птички поют, белки бегают такие наглые, что у туриста могут выхватить хот-дог из рук. Лена идет, животом вперед, как таран.

И тут к ней подлетает американка. Латиноамериканка, судя по всему, очень эмоциональная. Глаза по пять рублей, улыбка от уха до уха.

— О, май гад! — кричит она. — Конгратулейшнс! Да у тебя там мальчик или девочка? О, они такие милые!

И не успела Лена и рта раскрыть, как эта тетка кладет руку на живот моей кузине. Просто так. Бесцеремонно. Как будто это не живот беременной женщины, а дыня на рынке, которую надо проверить на спелость.

Лена замерла. Если бы вы видели лицо моей кузины в этот момент. Оно отражало всю гамму чувств от «Что ты дела-

ешь, тварь?» до «Вызовите такси, я уезжаю обратно в Россию, где до меня никто не дотронется, не спросив разрешения, и даже спросив — не факт».

Я дернулся было, чтобы защитить родственницу, вспомнив о том, что в США трогать незнакомых — это федеральное преступление, карается расстрелом на месте из водяного пистолета. Но американка продолжала щупать Ленин живот, приговаривая: «Oh, he kicks! He likes me!» (О, он пинается! Я ему нравлюсь!)

А потом случилось то, что окончательно сломало мне мозг. Рядом останавливается вторая женщина. Белая, лет сорока, в строгом костюме. Я уж подумал, что это коп переодетый, чтобы ловить нарушителей дистанции. Но нет. Она с умилением смотрит на эту картину, вздыхает и говорит: «I remember that feeling. Can I touch too?» (Я помню это чувство. Можно мне тоже потрогать?)

Лена, которая уже успела овладеть английским на уровне «yes», «no» и «поллицейских», просто кивнула в ступоре. И вторая тетка присоединилась к первому сеансу массажа. Они стояли и ворковали над Лениным пузом, как над священной коровой.

Я стоял в двух метрах (соблюдая privacy, мало ли что) и пытался понять — где логика? Только что какой-то мужик чуть не застрелил меня за то, что я стоял на 20 сантиметров ближе, чем нужно. А тут две совершенно незнакомые женщины лапают чужую беременную женщину, и все вокруг

умиляются? Где полиция? Почему не стреляют?

Потом я узнал, что это норма. Это единственное исключение в американском законе о неприкосновенности. Беременный живот — это как общественное достояние. Это как бесплатный Wi-Fi: хочешь — подключайся, трогай, говори комплименты. И никто не видит в этом угрозы.

Хотя, знаете, если бы в Москве на Арбате какая-то тетка с ходу положила руку на живот моей беременной жене, она бы, скорее всего, улетела в сторону Большого театра с такой скоростью, что побила бы олимпийский рекорд по метанию молота. А здесь это — верх политкорректности и дружелюбия.

Нищий-рукопожатель

Но самой эпичной историей, после которой я стал местной легендой на районе (в плохом смысле), была история с нищим.

В Техасе, как и везде в Америке, бездомные есть. Но они тихие. Сидят себе в сторонке, может, табличку держат «Бог благословит тебя за доллар». Никто никого за рукав не хватает, никто не плачет горькой слезой у входа в метро. Если они начнут хватать прохожих — им придет конец. Полиция приедет быстрее, чем вы скажете: «Мир вашему дому».

Но один тип, назовем его Билли Джо (потому что так зовут всех бездомных в Техасе в моем воображении), нашел лазейку. Он сидел у выхода из Walmart. И у него была мечта. Не просто попрошайничать, а заниматься джедайскими техниками влияния на разум.

Заметив, что многие иностранцы (и я в том числе) имеют привычку автоматически пожимать протянутую руку, Билли Джо разработал гениальную схему.

Выхожу я из Walmart. Солнце печет так, что мозги начинают плавиться и вытекать через уши. Настроение хорошее — купил гигантскую банку Dr Pepper и новые носки. И тут ко мне подходит этот джентльмен. Одет он был с иголочки... если иголочка старая, ржавая и валяется в мусорном баке. Но на лице — улыбка крокодила, который только что доел

зебру и хочет десерт.

Он протягивает мне руку. Прямо так, по-деловому, как будто он мой старый партнер по бизнесу, с которым мы не виделись сто лет.

Ну что делает нормальный русский человек? Нормальный русский человек, воспитанный в совке, в уважении к старшим (пусть и бездомным) и к рукопожатиям, автоматически тянет свою руку. Это условный рефлекс, как у собаки Павлова. Вижу руку — жму. Даже если эта рука принадлежит ожившему трупу или моему бывшему тестю.

Схватываю я его ладонь. Жму. Крепко так, по-мужски. А он не отпускает.

Хвать — и моя рука в мышеловке. И тут он начинает:

— Брат, слушай, я не жадный, просто у меня жена больная, дети голодные, а еще я вчера инсульт пережил! И машину угнали, и квартиру отобрали, и вообще меня собака укусила, но не прошу я много, дай двадцать долларов на бензин, чтобы доехать до больницы, которая, кстати, в другом штате...

Я дергаю руку. Ни в какую. Он сжимает мои пальцы, как тисками.

— Слушай, приятель, — говорю я, — ты руку-то отпусти.

— О, бро, ты же настоящий друг, ты же не пожалеешь для бедного техасца? — продолжает он, сверкая единственным глазом (второй, кажется, заплыл от вчерашнего инсульта).

Начинает собираться толпа. Американцы смотрят на это с

ужасом. Для них физический контакт с незнакомцем — это уже повод вызвать священника и санитаров. А тут двое мужиков стоят, взявшись за руки, и один из них явно не хочет отпускать второго.

Я вспоминаю советы бывалых. Мне говорили друзья: «Никогда не жми руки на улице. Попал — бей в нос и беги». Но я же культурный человек. Я не могу ударить бездомного. А он не может отпустить мою руку, потому что это его стратегия.

И тут я вижу копов. Патрульная машина медленно едет по парковке. Двое полицейских — здоровенные парни в зеркальных очках — смотрят на нас.

У меня в голове созревает план. Или глупость. Это как посмотреть.

Я резко поворачиваюсь к копам и начинаю очень громко, на всю парковку, петь. Но не просто петь. Я затягиваю советскую песню. Ту самую, про березки и соловьев. Я ору:

— Ой, цветет калина в поле у ручья,

Парня молодого полюбилая...

Билли Джо офигевает. Он ожидал чего угодно — денег, сопротивления, даже драки, но не сольного концерта русского народного хора им. Пятакова в исполнении одного безумного эмигранта.

Копы тоже офигевают. Они выходят из машины. Тот, что повыше, снимает очки и смотрит на меня как на инопланетянина, который прилетел в Техас, чтобы исполнить «Калин-

ку».

— Сэр, — говорит коп. — У вас все в порядке?

Нищий, понимая, что пахнет жареным, наконец отпускает мою руку и делает шаг назад, делая вид, что он просто проходил мимо и вообще случайно схватил меня за руку, приняв за своего друга.

— Все отлично, офицер! — отвечаю я бодро. — Мы просто музицируем с моим другом! Поем песни о родине!

Копы переглядываются. Нищий пытается раствориться в асфальте.

— Сэр, — обращается второй коп к Билли Джо. — Вам не кажется, что вы слишком близко стоите к гражданину?

Билли Джо, не будь дурак, понимает, что сейчас его увезут за нарушение privacy и ментального спокойствия иностранца. Он разворачивается и уходит в закат. Или, точнее, в сторону канализации.

А ко мне подходит старший полицейский и говорит:

— Слушайте, чувак. Пойте что хотите. Но если вы еще раз нарушите тишину в радиусе мили от Walmart, я вас арестую за хулиганство. Поняли?

— Понял, офицер, — говорю я. — А можно вопрос?

— Валяйте.

— А сколько метров нужно держать от нищего, чтобы не нарушить его личное пространство? Или его пространство можно нарушать, потому что он нищий?

Коп долго смотрит на меня. Потом медленно надевает оч-

ки, садится в машину и уезжает, даже не ответив.

Потому что в Америке есть вещи, которые страшнее, чем нарушение личного пространства. Это вопросы, которые нарушают пространство логики.

***

Ах да, чуть не забыл про шум. Если вы думаете, что в Америке громко, — вы ошибаетесь. Тихо там. Очень тихо. Я как-то раз случайно уронил вилку на пол в своей квартире на втором этаже. Через пять минут в дверь позвонили. Сосед снизу, мужчина лет шестидесяти, стоял в пижаме и с фонариком.

— Сэр, — говорит. — Я услышал подозрительный стук. Я вызвал полицию и управляющего. Вы в порядке? Вас не убивают?

— Нет, — говорю. — Это вилка упала.

— Вилка? — он смотрит на меня с таким выражением, будто я сказал, что у меня дома живет динозавр. — Сэр, в следующий раз, пожалуйста, предупреждайте о падении столовых приборов. Мы тут люди нервные.

Он ушел. Через десять минут приехала полиция. Два здоровых парня с пистолетами на поясе обошли мою квартиру, заглянули под кровать, проверили шкафы (нет ли там трупа с вилкой в груди) и только после этого уехали, пожелав мне спокойной ночи.

Я сидел в тишине, боялся чихнуть, потому что, если чихнуть в Америке громче шепота, можно получить пожизнен-

ное за нарушение акустического комфорта.

И вот сижу я, смотрю в окно на техасские звезды, и думаю: «Господи, как же я хочу обратно в Россию, где в очереди мне могут наступить на ногу, в автобусе могут обнять за талию (случайно, конечно), а на улице нищий может дернуть за рукав и сказать: «Мужик, дай закурить», — и это будет абсолютно нормально. И никто не вызовет полицию. Потому что полиция будет занята — они ловят тех, кто перешел дорогу в неположенном месте».

Американцы — хорошие люди. Добрые. Отзывчивые. Но они похожи на ежиков — колючки наружу, мягкость внутрь. Только внутри у них не только мягкость, но и куча свободного места. Метр шестьдесят в радиусе каждого человека. И горе тому, кто влезет в этот радиус без приглашения.

А беременным — можно. Это единственная дверь в их крепость. Потому что перед новой жизнью даже самые принципиальные защитники личного пространства сдают назад.

Вот такие пироги. Или, как говорят в Техасе, вот такие стейки.

Пойду-ка я лучше в магазин за вилками пластиковыми. Они тише падают. А то так и до депортации недалеко.